

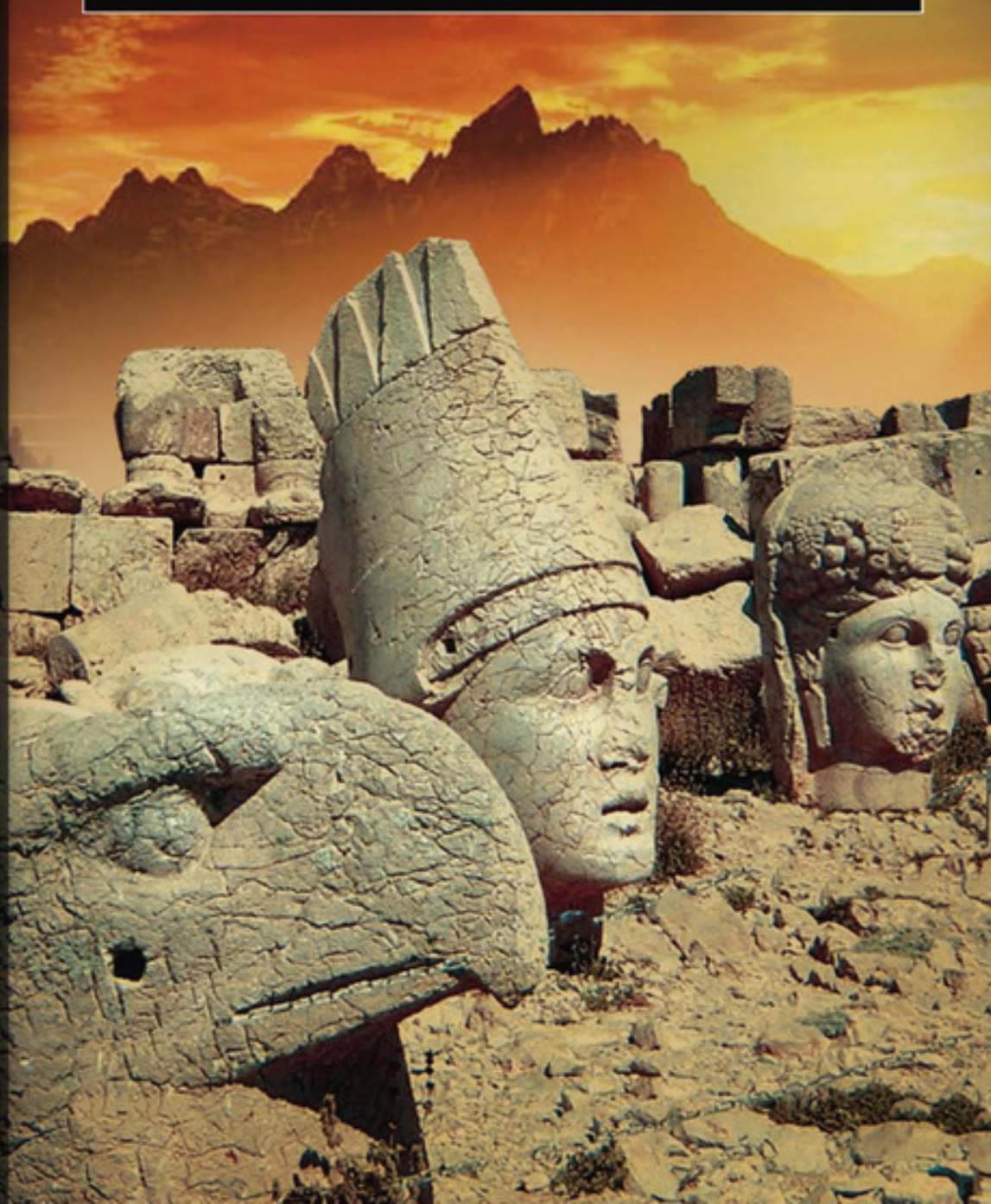

Чарльз Берни
Дэвид Лэнг

ДРЕВНИЙ КАВКАЗ

ОТ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ АНАТОЛИИ
ДО ХРИСТИАНСКИХ ЦАРСТВ
РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Дэвид Лэнг

**Древний Кавказ. От
доисторических поселений
Анатолии до христианских
царств раннего Средневековья**

«Центрполиграф»

2016

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)31

Лэнг Д. М.

Древний Кавказ. От доисторических поселений Анатолии до христианских царств раннего Средневековья / Д. М. Лэнг — «Центрполиграф», 2016

ISBN 978-5-9524-5198-8

Настоящая книга посвящена Кавказу – региону, который был местом процветания целого ряда древних культур. Ее авторы, Чарльз Берни и профессор Дэвид Лэнг, последовательно рассказывают об археологии и искусстве, природе и архитектуре, литературе и науке христианских цивилизаций Восточной Турции, Армении и Грузии. Большое внимание они уделяют истории царства Урарту, соперника Ассирии, прослеживая ее от одного царя к другому, анализируя материалы, полученные в многочисленных экспедициях, поставив перед собой цель представить широкому читателю сравнительно малоизвестные стадии развития жителей Анатолийского плато.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)31

ISBN 978-5-9524-5198-8

© Лэнг Д. М., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Чарльз Берни, Дэвид Маршалл Лэнг
Древний Кавказ. От доисторических
поселений Анатолии до христианских
царств раннего Средневековья**

© ЗАО «Центрполиграф», 2016

* * *

Предисловие

Подзаголовок настоящей книги указывает, что авторы поставили перед собой задачу проследить последовательные стадии развития – от доисторического периода до цивилизации – обитателей нагорий от верховья Евфрата до Кавказа и озера Резайе (Урмия). В одни периоды увидеть глубинное единство этой территории просто, в другие – намного сложнее. И современные политические границы, обозначенные на карте 1, не облегчают задачу. В главе 2 ввиду недостаточности материала, касающегося горных местностей, в период до 3000 г. до н. э. взят более широкий географический горизонт – с включением Анатолийского плато.

Эту книгу следует считать введением к более широкому исследованию предмета и попыткой заполнить пробелы, слишком часто разделяющие доисторическую эпоху, ассириологию и урартологию, греко-римскую историю и изучение Армении и Грузии в первые века христианской эры. Специалисты в каждой из указанных областей, разумеется, всегда разочарованы отсутствием подробностей, способных удовлетворить их узкие запросы. Если текст этой книги и примечания хотя бы чем-то им помогут, авторы могут считать одну из своих целей достигнутой. Другая цель – рассказать о сравнительно малоизвестном аспекте древней истории и раннего Средневековья широкой публике.

Необходимо подчеркнуть, что иллюстрации и карты призваны подтвердить и оживить приведенные в тексте аргументы и никоим образом не претендуют на создание всеобъемлющей полноты картины.

Глава 1

Окружающая среда

Анатолию часто называют мостом, соединяющим Ближний Восток и Европу, но это плато имеет гораздо большее значение. Кавказский хребет является одновременно барьером и своеобразной «трубой» между степями юга России и гористой местностью Ближнего Востока. Именно эта территория, в первую очередь Восточная Анатолия и бассейн Урмии в Северо-Восточном Иране, а также Закавказье, составляет предмет данного издания. Краткое или поверхностное изложение не может обеспечить адекватного понимания физической географии регионов, однако восприятие их прошлого невозможно без такого понимания. Во время определенных периодов зона от Кавказа до озера Урмия и западнее – до верховья Евфрата – характеризовалась культурным, а временами и политическим единством, которое оправдывает географические рамки этой книги. В другие временные промежутки подобная связь не просматривается.

Геология всегда присутствует перед глазами путешественников по Анатолии и Ирану, где голые и разрушенные эрозией горные склоны обнажают камни самых разных цветов. Это, в первую очередь, характерно для центрального Анатолийского плато, восточной части бассейна Урмии, долины Аракса и значительной части Азербайджана. Но так было не всегда, и одной из важнейших задач исследователя Древнего Ближнего Востока является использование всех доступных свидетельств, хотя и с осторожностью, для реконструкции окружающей среды более раннего периода¹. Данный труд включает материалы, датированные вплоть до 7000 г. до н. э., если, конечно, верить радиоуглеродному анализу. Эти даты имеют согласующийся характер. Последующие тысячелетия стали свидетелями изменений климата и окружающей среды: человеческая деятельность наложила отпечаток на ландшафт. Меры, принимаемые современными правительствами по сохранению лесов, слишком запоздали, чтобы дать ощутимый результат, хотя многие сочтут такую оценку слишком пессимистичной. А тем временем эрозия, начавшаяся из-за веков бездумной вырубki лесов, продолжается.

Количество атмосферных осадков, выпадающих на Анатолийском плато, не так велико и неравномерно распределяется по году. Сезон дождей – с марта до середины мая. Существуют также значительные колебания в числе осадков от года к году. Поэтому некоторые районы, где в одни годы созревает хороший урожай, в другие – становятся практически непригодными для земледелия. Это в первую очередь характерно для центральной части Анатолии, где недавнее расширение пашен с использованием тракторов и глубокой пахоты привело к увеличению риска пыльных бурь и ветровой эрозии². Но подобных условий не могло быть в доисторические времена, да и в наше время они присутствуют лишь на части Анатолийского плато. Во всех прибрежных регионах, на нагорьях Восточной Анатолии и в Закавказье годовое количество осадков выше, чем в Центральной Анатолии, а значит, растительность и общая экология тоже другие. Только в Иранском Азербайджане, что вокруг озера Урмия, условия сравнимы с засушливыми районами Турции.

Горные территории к востоку от Евфрата, считающиеся частью Ближнего Востока, испытывают сезонные колебания температуры, более характерные для Центральной Азии. Большая часть этой земли находится в зоне критического предела зимних температур. Если говорить

¹ K.W. Butzer, “Physical Conditions in Eastern Europe, Western Asia and Egypt, before the period of agricultural and urban settlement etc.”, *САН* fasc. 33. 1965, а также: *Quaternary Stratigraphy and Climate in the Near East*, Bonn, 1958, того же автора.

² (a) K.W. Butzer, *Environment and Archeology: an Introduction to Pleistocene Geography*, Chicago, 1964; London, 1965; (b) W.C. Brice, *South-West Asia: a Systematic Regional Geography*, vol. VIII, London, 1967; там же приводится общая информация о Турции.

о среднесуточных температурах, в среднем в году бывает около 30 морозных дней. В районе Карса, Эрзурума и Вана зима длиннее и холоднее, а лето, умеренно теплое, длится не более трех полных месяцев начиная с середины июня. На черноморском побережье климат морской с осадками круглый год, а ближе к юго-восточной оконечности Черного моря почти субтропический. Роскошь и изобилие этого региона превосходит лишь южный берег Каспийского моря. Буйная растительность тянется в Абхазию и, в меньшей степени, в центральную часть Грузии. Тавр (Торосские горы) обеспечивают естественную границу на севере для зимних атлантических штормов и быстрого распространения весны на восток через Средиземное море и Сирию. Аналогичный контраст наблюдается в районе Байбурта, по пути из Трабзона в Эрзурум, где плато залито жаркими солнечными лучами в июле и августе, но облака с Черного моря на севере достигают гребня горного хребта и даже преодолевают его. Лето здесь заканчивается вторжением холодных влажных ветров с севера, которые со временем приносят снег. То же самое происходит в Азербайджане, особенно к северу от озера Урмия, где самые большие в мире перепады температур от зимы к лету. Хотя, так же как в районе озера Ван, присутствие крупной массы воды не может не оказать хотя бы небольшого смягчающего влияния на континентальный климат.

Хочется сделать попытку реконструировать естественную окружающую среду последних девяти или даже десяти тысячелетий. При этом основным источником являются сегодняшние физические условия, за исключением тех, что уже изменены человеком. По данным палеоклиматологии представляется очевидным, что во время последнего оледенения предельная линия распространения снежного покрова была на 2700 футов (800–850 м) ниже (местами – на 2000 футов (600 м)), чем сегодня. Этому соответствовала альпийская растительность в горных районах Восточной Анатолии и Кавказа (луга, кустарники) и отдельные ледники. Две радиоуглеродные датировки показывают, что лёсс перестал отлагаться около 9000 г. до н. э. Это означает, что сухие северные ветры, дувшие во время ледниковых периодов из степей Евразии, не были господствующими. В послеледниковые времена климатические условия на Ближнем Востоке, судя по всему, не сильно менялись³.

Сравнительно небольшие климатические изменения могли иметь непропорционально обширное влияние на климат региона в целом. Особенно это касается роста и уменьшения озер. Такие перемены могли повлиять на озеро Урмия (его глубина сегодня нигде не превышает 100 футов (30,5 м)), которое имеет большие участки мокрых солончаков весной. На Анатолийском плато есть обширные дренажные системы – в районе Коньи, Соленого озера и на водосборных площадях озер вдоль северного подножия Тавра. Существуют свидетельства, поддерживающие теорию о том, что там в ранний послеледниковый период располагались крупные озера, впоследствии радикально уменьшившиеся или исчезнувшие совсем. Следствие – аллювиальные отложения⁴. Такие обширные массы воды предполагают более низкое испарение, чем в наши дни, соответствующее более низкой средней температуре. Их влияние на климат, вероятно, было весьма значительным. Однако только небольшого уменьшения количества осадков и подъема средней температуры оказалось достаточно, чтобы осушить земли, ранее находившиеся под водой постоянно или сезонно. При падении годового числа осадков ниже 12 дюймов (30,5 см) прекращается рост даже деревьев, корни которых уходят глубоко, вызывая к жизни еще один фактор, способствующий засухе и эрозии. Таким образом, современные условия, существующие на большей части Центральной Анатолии, возможно, могли сформироваться очень быстро. Равновесие между засушливостью и достаточным для роста деревьев количеством осадков, между полупустыней и степью, и условиями, пригодными для примитив-

³ H. Wright in R.J. Braidwood, B. Howe, *Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan*, SAOC no. 31, Chicago, 1960. P. 71–97.

⁴ H.R. Cohen, Ögüz Erol, “Aspects of the Palaeogeography of Central Anatolia”, *The Geographical Journal*. 135 (3). September. 1969. P. 388–398.

ной обработки почвы, на Ближнем Востоке всегда было тонким и слишком слабым, и уж точно в послеледниковый период. Это хрупкое равновесие не могло не повлиять на распространение лесов на большей части Анатолии и Кавказа, хотя в горных районах, вероятно, главными причинами обезлесивания и последующей эрозии все-таки стали вырубка деревьев и содержание на подножном корму коз. Начавшись, этот процесс имеет тенденцию к ускорению, поскольку почва утрачивает способность удерживать влагу и больше не скрепляется со склонами горы корнями деревьев, кустарников и трав. Археологические свидетельства, такие как находка оленьих рогов в районе хеттской столицы Богазкёй (Хаттусас), указывают на существование лесов, которые не сохранились до наших дней. Еще более явное свидетельство – большой диаметр и огромное количество бревен, используемое в таких сооружениях, как сторевший дворец Бейджесултана, слой V, что на юго-западе Анатолии⁵. Деревянные каркасные конструкции, до сих пор широко используемые в горных районах Ближнего Востока, отличает заполнение пространств между балками глинобитными кирпичами или камнями в глине. Но размеры современных бревен представляются очень скромными в сравнении с теми, из которых строились доисторические здания. И самым распространенным деревом считается тополь, который быстро растет вдоль берегов рек и водоемов. Одним из самых впечатляющих сохранившихся памятников, подтверждающих богатый плотницкий опыт древних жителей Анатолии, является деревянная погребальная камера в Гордионе, открытая в 1957 г.⁶ Все сказанное подводит нас к одному общему выводу: леса, которыми была покрыта значительная часть Анатолии и, вероятно, также гор Загрос, за последние три или четыре тысячелетия сильно уменьшились, особенно явно после эллинистического периода. Вдоль Понтийских хребтов и на Кавказе, однако, леса уцелели. Они растут в зоне, где выпадает намного больше осадков, чем на ныне лишенном лесов Анатолийском плато и в бассейне Урмии.

Модели поселений в горах, сохранившиеся на протяжении продолжительных периодов, а также особенности пахотного земледелия, овцеводства и скотоводства почти нигде не изучались – за исключением Советского Союза. Прямые свидетельства – найденные во время проведения раскопок кости животных – являются самыми осязаемыми критериями, без которых теории эволюции и изменения моделей горных поселений беспочвенны. Изучая кости животных доисторических культур, советские археологи достигли больших успехов, в первую очередь в Закавказье⁷.

Палеоботаника обеспечила нас свидетельствами, пролившими свет на процесс раннего выращивания пшеницы (двухзернянки и однозернянки) и двухрядного ячменя, с последующими мутациями, результатом которых стало улучшение «сорта», но проблема исходных географических источников диких зерновых культур, найденных при раскопках ранних поселений, все еще ожидает решения. Представляется, что ничего не изменится, пока не будет разработана посвященная такой задаче обширная программа ботанических исследований⁸. И если наличие дикой пшеницы далеко на востоке, в том числе в Афганистане, может считаться признаком существования по крайней мере одного очага раннего земледелия в тех местах, то отсутствие до настоящего времени найденных античных поселений, сравнимых с Чатал-Хю-юком, что в районе Коньи, не говоря уже об Иерихоне, снижает значимость этих открытий. Остатки злаковых растений очень важны для ученых. Анализы пыльцы используются

⁵ S. Lloyd, J. Mellaart, *Beycesultan II*, London, 1965.

⁶ R.S. Young, "The Gordion Campaign of 1957: Preliminary Report", *AJA* 62. 1958. P. 139–154.

⁷ В.В. Piotrovskii, *The Aeneolithic Culture of Transcaucasia in the Third Millennium BC*, *Sixth International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences, Reports*, Moscow, 1962.

⁸ (a) Hans Helbaek в *Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan*. P. 99–118; (b) Helbaek, "Commentary on the Phylogenesis of *Triticum* and *Hordeum*", *Economic Botany* 20. 1966. P. 355; (c) Jane Renfrew, "A Note on the Neolithic Grain from Can Hasan", *AS XVIII*, 1968. P. 55–56.

не только для сравнительной хронологии и палеоклиматологии, но также для подробного описания флоры конкретного поселения.

Считается, что любое поселение должно находиться возле надежного источника воды – реки, озера или ключа, причем последние в большом почете у сегодняшних анатолийских крестьян, которые удивительно привередливы к качеству питьевой воды. Иллюстрация тому – популярный рассказ о железной двери, за которой оказалась серебряная дверь, за ней – золотая, и только потом – холодная вода. Кто сказал, что их предки, пусть даже во времена неолита, не ценили чистые холодные источники? Их важность в религии доисторической Анатолии, в которой почиталось много божеств, связанных с источниками питьевой воды, предполагает, что такое отношение преобладало по крайней мере во 2-м тыс. до н. э. Поскольку такие ключи чаще находят по краям окруженных горами долин (а не в их центре), там и строили поселения.

Помимо воды, местоположение ранних населенных пунктов определяли примитивные земледелие и скотоводство, а также охота. В более поздние периоды, особенно в железном веке, необходимость в обороне одного поселения или нескольких часто приводила к строительству на горных уступах или возвышенностях с максимальным использованием естественных средств защиты. Почти во всех обнаруженных подобных пунктах производились гончарные изделия, иногда при раскопках находили и другие предметы, указывающие на железный век. В целом в Анатолии было больше преємственности при переходе от начала 1-го тыс. до н. э. в более поздние века, в эллинистический и римский периоды, чем от позднего бронзового века к железному, когда во многих регионах произошли большие изменения в распределении и структуре мест обитания. В некоторых частях Анатолии, однако, поверх холмов, образованных ранними поселениями, находили слои железного века такого размаха и глубины, что раскопки нижних слоев оказывались нецелесообразными по затратам, времени и усилиям. Часто такие холмы имеют плоские вершины, но крутые склоны, что предполагает существование фортификации. Контраст с такими холмами являют собой другие, едва поднимающиеся над уровнем окружающей равнины, которые обычно занимали только один период, а затем люди их окончательно оставляли. Обычно напластованные слои таких поселений продолжают на некоторую глубину ниже современного уровня равнины: аллювиальные отложения могут накапливаться очень быстро, пример – Хасилар. Поэтому должно существовать много, возможно, очень много доисторических холмов, полностью погребенных под последующим слоем аллювиальных отложений. Вероятно, они надолго, если не навсегда, останутся необнаруженными. Допустимо выдвинуть гипотезу, что большая их часть относится к 4-му тыс. до н. э. или к более раннему периоду. Следует отметить неполноту и незавершенность многих исследований. Древние поселения особенно трудно обнаружить в лесистых горах, хотя в некоторых регионах они находились почти повсюду, причем с самых ранних времен. К примеру, было найдено очень мало (если не сказать, вообще ничего), что относилось бы к доклассическому периоду, вдоль понтийского побережья, к востоку от районов Самсун и Бафра, хотя из-за легкого доступа из Центральной Анатолии доисторические поселения там более чем вероятны. На плодородной земле вдоль Черноморского побережья Турции следы древних мест обитания, вероятно, были погребены под более поздними слоями или смыты. В Абхазии главными памятниками являются не места доисторических поселений, а каменные гробницы – долмены. Летние стоянки на горных пастбищах, вроде тех, что называют *яйла* в современной Турции, тоже, вероятно, очень трудно обнаружить. Зато легко заметить горные крепости, такие как в Урарту вокруг озера Ван. Их положение, как правило, предсказуемо – на уступах, нависающих над равниной. Они имели постоянную функцию – оборонительную. Но на недоступных горных вершинах обычно находят только самые грубые подобные сооружения. Их строили для временного использования – как убежища. Многие горные памятники еще ждут энтузиастов-археологов, готовых тратить время и энергию, получая лишь минимальные результаты.

Археолог, ведущий изыскания, должен быть готов найти поселения самых разных типов, относящиеся к различным периодам, в зависимости от характера местности. Ни одно исследование не может считаться исчерпывающим, и в районах, где предварительная разведка уже была проведена, следует продолжать более тщательную работу. Социальная антропология может помочь найти ответы на вопросы, касающиеся структуры поселений, возникавших во время последовательно сменявших друг друга культурных периодов. Однако без подтверждающих это письменных документов ответы могут быть только предположительными.

Не только местные условия – источники питьевой воды, почва, растительность, фауна и климат – влияли на зарождение и развитие деревень и городов. Также нельзя забывать о часто неощутимом в уцелевших записях влиянии контактов с другими поселениями, расположенными по соседству и далекими. Такие контакты зависели от естественных путей, проходивших через горные хребты, долины и равнины Анатолийского плато, а также от бассейна Урмии, Закавказья и других естественных преград. Неудивительно, что многие современные шоссе находятся там, где когда-то пролегли доисторические пути. Перевалы через Тавр, к примеру, вероятно, всегда находились на определенных местах – как Киликийские Ворота, которыми пользовался еще Александр Великий. Восточнее располагается дорога Малатья-Мараш, соединяющая восточные нагорья с Киликией и Амуком. Кавказ в центре пересекает Дарьяльское ущелье. Перевал Зигана через менее значительный Понтийский хребет также очень важен, хотя нет доказательств, что этим путем пользовались до Ксенофонта⁹. Однако речные долины в высокогорной зоне являлись скорее барьерами, чем водными путями, из-за опасных по ровам и быстринам, препятствовавших навигации, а также сезонных колебаний уровня воды. Такие реки, как Кызыл-Ирмак (Кызылырмак, античный Галис, Красная река) и Сейхан (Пирамос), текущие в Черное и Средиземное моря соответственно, никоим образом не способствовали общению между людьми. В верховьях Евфрата, на северной образующей его реке – Карасу, и после слияния с южной – рекой Мурат, много порогов. Кура и Аракс тоже слишком опасны для навигации, хотя по их долинам были проложены сухопутные пути. Существовали пешие маршруты и по долине Мурата – их использовали некоторые ассирийские цари во время походов к центру Урарту¹⁰. Если не считать крупных озер, горные районы не предоставляют больших возможностей для развития навигации¹¹, да и на побережьях Турции мало естественных гаваней. Передвижение по горному плато во многих направлениях долгое время оставалось сравнительно удобным, хотя ему, вероятно, препятствовали леса и кустарники.

К востоку от Северного Евфрата (Карасу) общая высота увеличивается с запада на восток и горные хребты сближаются, сохраняя преимущественно направление восток – запад, так что такое передвижение было легче, чем с севера на юг. Есть только два естественных маршрута через Восточную Анатолию: северный – от Догубаязита через Кара-кёсе (Агры) в Эрзурум, а оттуда через горную цепь в Сушехри и через еще один высокогорный проход в Сивас и на центральное плато, и южный – от северной оконечности озера Урмия через долину Котура до озера Ван, оттуда через или вокруг него и далее через Муш и долину нижнего Мурата к переправе через Евфрат и в Малатю. Из этого города есть путь на юго-запад – в Мараш и к Средиземному морю, еще один – на запад в Кайсери, и третий – на северо-запад в Сивас. Еще более важное место в истории миграций с востока и северо-востока занимает северный путь, с которым в Хорасане, в 35 милях (56,3 км) к востоку от Эрзурума на верхнем Араксе, соединяется

⁹ Xenophon, *Anabasis*, Bk IV, ch. vii.

¹⁰ ARABI, par. 236–237, 584, 604, 785.

¹¹ (a) Ссылки на хеттские тексты дает J. Garstang, O.R. Gurney, *The Geography of the Hittite Empire*, London, 1959. P. 33–36. Они связаны с городом Самуха, что в верховьях Галиса (Кызыл-Ирмак, Красная река), недалеко от Зары, где река невелика; (b) Свидетельство навигации на озере Ван – надпись Сардури I в этом регионе, *Handbuch I*. P. 37 (1 a – c); (c) Об озере Урмия писал Страбон. См.: *Geography*, Bk XI, par. 1–3.

маршрут с северо-востока через Карс, идущий из Грузии. Из Аскале (Ашкале), что в 25 милях (40,2 км) от Эрзурума, идет путь через Байбурт, главную в Средние века сельджукскую крепость в Гюмюшхане, и оттуда через перевал Зигана к Черному морю (Трабзон). Самый легкий путь к южному берегу Черного моря – с центрального плато через Чорум к берегу в Самсуне. Есть несколько других маршрутов, например через Шебинкарахисар, но они по большей части тяжелые. До бассейна Урмии относительно просто добраться из Закавказья. Он находится наискось от пути последовательных миграций, в том числе тех, по которым двигались иранские племена с конца 2-го тыс. до н. э. Тот факт, что его географическое положение между юго-западным берегом Каспийского моря и горами, теперь обеспечивающими естественную границу между Турцией и Ираном, сделало его «грубой», через которую проходили все захватчики с Кавказа на юг в Иран, может объяснить этническое и культурное своеобразие, очевидное к началу 1-го тыс. до н. э.¹² Более того, до настоящего времени бок о бок существуют оседлое земледелие и кочевой образ жизни, хотя и не без трения.

Контакты и связи между соседними регионами, равно как и между поселениями, расположенными на значительном расстоянии друг от друга, были возможны с ранних времен по естественным путям, в основном перечисленным выше. Горы являлись препятствием для политического объединения, но торговля – другое дело. Предметы материальной культуры, которые, как известно, изготавливались в других местах и являлись легкотранспортируемыми, а также вещества, которых, в силу естественных условий, не могло быть на территории исследуемого поселения, являются доказательством существования торговли. До начала обработки меди основной частью импортируемых материалов являлись разные типы камня. Однако размышлять о механике этой ранней торговли, даже если она действительно была организована (и если да, то кем?), бессмысленно¹³. Однако один аспект следует подчеркнуть: путешествия на большие расстояния были возможны даже в период неолита. Здесь уместна аналогия с периодом, предшествовавшим появлению парового двигателя. Известно, что кочевники в XIX в. перемещались вместе с отарами овец из Алеппо весной в Сивас, что в центральной части Анатолии, а осенью – обратно, при этом дальность кругового перехода составляла 700 миль (1100–1200 км). Путешествовать без овец намного проще и приятнее. Археологи зачастую преувеличивают сдерживающий эффект географических препятствий для миграций и торговли. Также многие ошибочно считают, что для распространения доисторических культур требуется долгое время – возможно, даже века. Но ведь древние люди ходили с той же скоростью, что и мы, а что касается дальности – было бы желание.

Требования торговли обусловили необходимость знаний об источниках соответствующих сырьевых материалов. Так было и в период неолита, и позже. Анатолия и Закавказье богаты минералами и другими полезными ископаемыми. Сегодняшний турецкий крестьянин ни за что не пропустит доступные руды. Медь, олово и сурьма в Закавказье встречаются часто и в больших количествах. Особенно важно олово: его не обнаружили в Анатолии и Иране, однако оно, вероятно, присутствует в Афганистане или рядом с ним. Месторождения, которые разрабатывались в древности, оценить невозможно¹⁴. Они были слишком малы, чтобы представлять интерес для коммерческих целей в наши дни, или слишком далеки, чтобы окупить расходы по строительству дорог. Месторождения меди в Турции – это Эргани-Маден на юго-востоке, а также рудники в районе Кастамону и на крайнем северо-востоке, в Древней Колхиде.

¹² T. Cuyler Young, "The Iranian Migration into Zagros", *Iran* V, 1967. P. 11–34. Автор предлагает подход с северо-востока, а не через Кавказ.

¹³ (a) C. Renfrew, J.E. Dixon, J.R. Cann, "Obsidian and Early Cultural Contact in the Near East", *PPS* XXXII, 1966. P. 30–72; (b) Gary A. Wright, *Obsidian Analyses and Prehistoric Near Eastern Trade, 7500 to 3500 BC*, *Anthropological Papers* 37, Museum of Anthropology, University of Michigan, 1969.

¹⁴ R.J. Forbes, *Metallurgy in Antiquity*, Leiden, 1950.

Железная руда встречается в Дивриги и Хасанчелеби – оба в восточной части Центральной Анатолии. Золото и серебро добывают в горах Тавра в районе Булгар-Маден. Серебро также добывают в местах, где это отражено в названии местности (то есть в названии присутствует турецкое слово *гюмюш*) – в Гюмюшхане, что на пути из Трабзона в Эрзурум, в Гюмюшхасикёй, что к западу от Амасьи и юго-западнее Самсуна. Также серебро есть в районе Эргани-Маден. Сурьму находят в Турхале, что недалеко от Амасьи. Аллювиальное золото имеется в Анатолии, а медь, как известно из табличек, найденных при раскопках в Кюль-Тепе, была основной статьёй экспорта из анатолийских городов в Ассур (Ашшур) при посредстве ассирийских караванов, но точные источники добычи этой меди неизвестны. Олово импортировалось ассирийскими купцами в Канеш (Кюль-Тепе) и другие порты, которые они создали¹⁵. Его отсутствие в Анатолии может быть связано с недостатком гранита, рядом с которым обычно располагаются залежи касситерита – оловянной руды. Хетты, предположительно, раньше других начали обрабатывать железо, но откуда они получали железную руду – неизвестно. Возможно – из Дивриги, хотя это и далеко от центра их территории. Пока не будет окончательно снята завеса секретности с результатов разных геологических исследований и они не станут доступными для археологов, проблема доисторических источников металлов в гористой местности останется нерешенной. Кроме металлов, в древности добывали и другие минералы. Один из них – соль, которой было много в озере Урмия и вокруг него, а также в Соленом озере, что в центральной части Анатолии.

В период неолита обсидиан разных цветов – от прозрачного до матового черного – являлся важным предметом торговли. Его ценили за режущие качества и использовали для изготовления инструментов и оружия. Недавние исследования выявили много источников этой горной породы, расположенных далеко друг от друга, от Иерихона до Али-Коша, что в Хузестане¹⁶. Точнее, были определены возможные источники, а другие при применении спектрографического анализа следов элементов – исключены. Этот метод привел к выявлению по крайней мере двух регионов, обеспечивавших потребности в обсидиане, – центральной части Анатолии и восточных нагорьев, расположенных от озера Ван до Армении. Но археологам все еще неизвестно, являются ли эти источники единственными, дающими обсидиан с именно этим набором следов элементов. Его небольшие неразработанные залежи встречаются так часто, особенно в Восточной Анатолии, что невозможно точно установить источники конкретных образцов¹⁷. Немрут-Даг, потухший вулкан недалеко от озера Ван, – самый известный источник обсидиана. В Тильки-Тепе найдены самые крупные известные обсидиановые самородки, от которых откалывали осколки.

Помимо минеральных ресурсов Анатолия и Закавказье богаты растительностью. В Анатолии встречаются три главные зоны флористического районирования: евро-сибирская (Европа, Россия, Сибирь), ирано-туранская (степи Центральной Азии, Иран и Центральная Анатолия), средиземноморская. Черноморское побережье входит в первую зону, Анатолийское плато – во вторую, а южное побережье Турции – в третью. Недавние работы показали большое количество эндемических растений, то есть произрастающих только в Турции: это в первую очередь относится к Тавру, где встречаются ирано-туранская и средиземномор-

¹⁵ (a) О самом важном источнике меди в Анатолии см.: S.E. Birgi, “Notes on the Influence of the Ergani Copper Mines on the Development of the Metal Industry in the Ancient Near East”; (b) о Канеше см.: Paul Garelli: *Les Assyriens en Cappadoce*, Paris, 1963, etc.

¹⁶ C. Renfrew, J.E. Dixon, J.R. Cann, “The Characterization of Obsidian and its Application to the Mediterranean Region”, PPS XXX, 1964. P. 111–133.

¹⁷ C. Renfrew, J.E. Dixon, J.R. Cann, “Further Analysis of Near Eastern Obsidians”, PPS XXXIV, 1968. P. 319–331. В статье упоминается недавно открытый источник обсидиана. Его обнаружили исключительно благодаря близости к современному шоссе Бингёль-Муш. В Восточной Анатолии наверняка есть и другие месторождения, расположенные в менее доступных местах.

ская ботанические зоны¹⁸. Распределение деревьев тоже имеет отношение к доисторическому периоду. Лиственные леса – дубы, ясени, буки – покрывали большие территории на понтийском побережье, в том числе Абхазию, и нижние части горных склонов. Выше их сменяли хвойные леса. Линия границы лесов находилась на высоте 6000 футов (1800–1900 м). Еще выше находились открытые горные пастбища. Склоны Кавказских гор тоже богаты древесиной. Однако бассейн Урмии сравнительно безлесный. Примерно та же картина наблюдается в другом регионе – вокруг Соленого озера. На юге, в районе Коньи, уже во время неолитического города Чатал-Хюк строили дома из глинобитных кирпичей, но имитируя деревянные каркасные конструкции. В этой части Анатолии лесов уже могло стать меньше. На северной части Понтийского хребта лесной покров не такой густой, как на стороне, выходящей к Черному морю, и местности присущи особенности плато. Здесь среди немногочисленных деревьев дубы, заросли кустарников и можжевельник, хотя в наши дни вдоль берегов рек и ирригационных каналов посадили тополя. Они используются для потолочных балок при строительстве деревенских домов. Главное преимущество тополей – быстрый рост. В средиземноморской зоне распространены кедры, черные сосны и серебристые ели.

Еще важнее, чем деревья, пригодные для строительства, – разные виды съедобных растений. Из них, естественно, самые существенные – злаки. Они же олицетворяют главные проблемы, поскольку не решены вопросы их происхождения. Дикий прототип пшеницы-однозернянки встречается в районе Мармары и на большей части территории Турции и Леванта, но не в горных районах Восточной Анатолии и не на Кавказе. Дикий прототип пшеницы-двухзернянки встречается в Леванте и у подножия гор Загрос, а ячменя – в гористой местности, за исключением долины Аракса и севернее¹⁹. Однако вряд ли стоит уделять особое внимание ареалам обитания дикорастущих прототипов культурных растений сегодня.

В горах было и есть много бобовых, а также плодовых растений и деревьев – за исключением полусухих районов. Цитрусовые растут только на побережье Средиземного и Эгейского морей. Но яблоки, сливы, абрикосы, персики и шелковица распространены в восточных горных районах, в том числе вокруг озера Ван, где они достаточно морозоустойчивые, чтобы пережить суровые зимы. Сегодня их много и в Понтийском регионе. Лесные растения, как правило, произрастают на Ближнем Востоке быстрее, чем в Европе, так что садоводство здесь намного прибыльнее.

Такое выносливое растение, как виноград, распространено на Анатолийском плато, в Закавказье и районе озера Урмия. Считается, что тип *vitis vinifera* возник на землях, прилегающих к Каспийскому морю. Этому типу требуется долгое сухое лето, умеренное или жаркое, и прохладная зима. Он не выживает в условиях влажного лета, которое приносит с собой плесень, или очень холодной зимы с температурой ниже 18 градусов по Цельсию. Виноградарство могло зародиться или здесь же, на берегах Каспийского моря, или в районе вокруг Колхиды. Там в двух местах раскопок поселений, датированных 4-м тыс. до н. э., были найдены самые ранние материальные свидетельства в виде зернышек виноградных ягод, причем в скоплениях, связанных с запасами орехов и желудей, которые тоже использовались для еды²⁰. Плиний в «Естественной истории» уделил большое внимание вьющимся и ползучим растениям, перечислил 91 разновидность винограда и 50 других аналогичных растений, описал способы выращивания лоз. Подобные скопления на самом деле могли быть результатом собирательства, а не виноградарства, но это представляется маловероятным. Модификация теории о происхождении последнего на Кавказе или в защищенных районах Восточной Анатолии заключается в следующем: бок о бок с распространением диких виноградников оно зародилось у подножия

¹⁸ P.H. Davis, J. Gullen, M.J.E. Coode, *Flora of Turkey and East Aegean Islands*, vol. I, Edinburgh, 1967.

¹⁹ H. Helbaek, "Domestication of Wild Food Plants in the Old World", *Science* 130, 1959. P. 365–372, etc.

²⁰ D.M. Lang: *The Georgians, Ancient Peoples and Places*, London, 1966. P. 34.

Загроса в Северной Месопотамии, Сирии и Палестине. Оттуда оно пришло вместе с культивацией злаков в Восточное Средиземноморье и на побережье Эгейского моря²¹. Последующая история продвижения виноградарства на запад не отдает предпочтение ни одной из предположительных территорий его зарождения, хотя археологические и лингвистические свидетельства склоняют чашу весов в пользу Кавказа.

Природные зоны были выделены для периода 8000–5000 гг. до н. э., то есть для условий послеледникового периода и до начала серьезного влияния на природу человеческих поселений²². Тогда самые большие территории покрывали лиственные или смешанные леса. Их классифицировали как умеренно теплую зону. Хвойные (преимущественно) леса, покрывавшие склоны Понтийского и Кавказского хребтов, находились в умеренно холодной зоне. Вдоль понтийского и каспийского побережий, а также на узком предгорном участке Плодородного Полумесяца растительность была субтропическая. Вокруг эстуария Аракса имелась территория галерейного леса, тоже субтропическая, но немного дальше вверх по течению уже началась полупустыня, заросшая кустарниками и травой. Условия в бассейне Урмии, вероятно, были такими же, как в центральной части Анатолии, с полусасушливыми пастбищами и степями. Если эта реконструкция растительного покрова верна, то в сравнении с современным периодом она предполагает чрезмерное количество выпадаемых осадков, поскольку исчезновение деревьев с большей части нагорий и из Центральной Анатолии нельзя приписать исключительно деятельности человека. При обобщениях, касающихся всех основных регионов, необходимо принимать во внимание местные особенности.

Фауна нагорий остается весьма разнообразной даже сегодня. В горах живут леопарды и медведи, а также волки, в уцелевших болотистых местностях – кабаны. В реках и пресноводных озерах много рыбы. Среди более крупных птиц можно отметить аистов, пеликанов и журавлей. Последние довольно боязливы и предпочитают селиться в удаленных районах. Здесь также много хищных птиц. Тем не менее не приходится сомневаться, что в ранний послеледниковый период фауна была разнообразнее. Обитатели Ча-тал-Хююка охотились на туров, диких свиней, оленей, диких овец, косуль, диких ослов и ланей, реже – на газелей, лис, волков и леопардов²³. Такое изобилие дичи в те времена являлось повсеместным, даже в районах, расположенных в непосредственной близости к Конье, где находился Ча-тал-Хююк²⁴. Для Джармо, что у подножия Загроса, составлен длинный список фауны²⁵. Пока не будет аналогичных списков относительно всех ранних поселений в горной зоне, реконструировать фауну Анатолии и Закавказья в целом для раннего послеледникового периода оказывается невозможным.

Одомашнивание животных – слишком масштабная тема, чтобы ее обсуждать в рамках этой книги²⁶. Овцы и козы, кости которых в основном неотличимы, давали ранним людям мясо, а также шерсть и кожу для одежды. Ткани изначально были шерстяными, но дикий лен, хотя и не обнаруженный в районе Чатал-Хююка, рос в районе Загроса, и его начали культивировать довольно рано.

Использованию богатых природных ресурсов нагорий временами препятствовали их труднодоступность и суровые климатические условия, хотя в те времена в целом окружающая среда была значительно лучше и лесной покров – больше. Медленное ухудшение климата в сочетании с недалекновидностью человека превратило огромные регионы в лишенные леса засушливые степи. Только сейчас правительства стараются сдержать этот процесс и восстано-

²¹ H. Helbaek в *Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan*. P. 116.

²² САН I, fasc. 33. P. 8–10.

²³ J. Mellaart, *Çatal Hüyük*, London, 1967. P. 223–224.

²⁴ J. Bordaz, AS XV. 1965. P. 32; XVI. 1966. P. 33.

²⁵ H. Helbaek в *Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan*. P. 47–48.

²⁶ C.A. Reed в *Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan*. P. 119–145.

вить леса. У сегодняшних нагорий больше сходства с Центральной Азией, чем с русскими равнинами или средиземноморским побережьем. Но так было не всегда.

Приведем короткий комментарий, касающийся терминологии, – невозможно избежать употребления ряда специальных терминов, применяемых археологами, особенно тех, которые используются для дифференциации последовательных периодов культурного развития. Произведенная в XIX в. классификация по форме, способам производства и материалам (камня и металла) предметов материальной культуры привела к появлению знакомых нам терминов: *палеолит*, *неолит*, *бронзовый век*, *железный век*, к которым впоследствии добавились новые: *мезолит* и *халколит*. Последний часто называют *энеолитом* – как в советской литературе. Термин *медный век* также используется применительно к частям Анатолии, особенно если речь идет о Центральном плато. Одни из перечисленных терминов имеют больше смысла, чем другие. Так, *неолит* и *палеолит* – узнаваемые стадии культурного развития. Неудовлетворительный характер терминологии общеизвестен, и временами предлагались разные альтернативы. Одни понятия довольно длинные и трудно запоминающиеся, другие – синонимы традиционных терминов. Например, Р. Брэйдвуд всегда предпочитал *палеолитический* и *неолитический этапы* называть периодами *собираательства еды* и *производства еды* соответственно. Такие термины, как *эпипалеолитический*, *протонеполитический*, *протогородской*, также встречаются в литературе, посвященной разным регионам Ближнего Востока.

Если признать, что многие понятия стали всего лишь удобными ярлыками, читатель может не слишком беспокоиться о подобных сложностях, созданных самими археологами. Если же ликвидировать все существующие термины, это лишь усилит неразбериху. Недавнюю схему, составленную на основе радиоуглеродной датировки и относящуюся к последовательным тысячелетиям, можно порекомендовать и для ранних периодов²⁷, но было бы неправильно применять их для поздних периодов, требующих более точной классификации. Советскую археологическую терминологию для Закавказья разработали без учета понятий, которые использовались в Турции и Иране, и наоборот. Не имея возможности использовать «советские периоды» ко всей зоне, о которой идет речь в настоящей книге, учитывая наличие многочисленных региональных вариаций и местных культурных традиций, мы использовали новые термины там, где это оправдывалось контекстом, – как в 3-м тыс. до н. э. В целом мы старались сделать их более понятными, хотя это не везде получилось.

²⁷ J. Mellaart, “The Earliest Settlements in Western Asia”, САH I, fasc. 59. 1967. P. 6–7.

Глава 2

Первые поселения

Человек-охотник был вынужден рыскать по лесам, преследуя дичь, чтобы обеспечить себя продовольствием. Ему приходилось изучать повадки животных, на которые влияли климатические изменения. Человек-земледелец и человек-пастух зависели от климата, количества осадков, солнца и не были защищены от колебаний объема урожая. Жизнь первых поселенцев в Анатолии и других районах Ближнего Востока всегда оставалась тяжелой. Им приходилось много работать, а отдача, вероятнее всего, оказывалась небольшой. Во время засухи часто погибали и урожай, и скот. Но, несмотря на все трудности, первые жители деревень сделали решающий шаг, который впоследствии получил название «неолитическая революция». Это действительно была революция, поскольку начался длительный процесс покорения окружающей людей природы. Возможно, это объясняет более быстрое культурное продвижение вперед, чем во время последовательной смены палеолитических культур. Как только человек начал, пусть и неуверенно, изменять окружающую среду для достижения своих целей, шкала времени будто сократилась. Теперь прогрессивные шаги занимали не тысячелетия, а только века.

Ссылка на время в столь отдаленные периоды стала возможной благодаря использованию в археологии достижений в области ядерной физики – радиоуглеродной датировки²⁸. Точность этого метода за последние годы существенно повысилась. Важным является появление сравнительной хронологии – из радиоуглеродных дат²⁹.

Физическая антропология, несмотря на большие ограничения, ввиду малочисленности и плохой сохранности скелетов, показывает, что Ближний Восток первоначально населяли люди с продолговатыми головами – евроафриканцы и протосредиземноморцы. Постепенно, в периоды, наступившие после неолитической революции, на Ближнем Востоке появились группы круглоголовых людей и смешались с первыми расами³⁰. Однако наличие общих черт предполагает, что на этапе становления, когда делались первые шаги в обработке земли и скотоводстве, население большей части региона имело общих предков. У человека периода верхнего палеолита было скромное телосложение: мужчины имели рост около 5 футов 8 дюймов (177 см), женщины – около 5 футов 1 дюйма (155 см). Их потомки устроили неолитическую революцию.

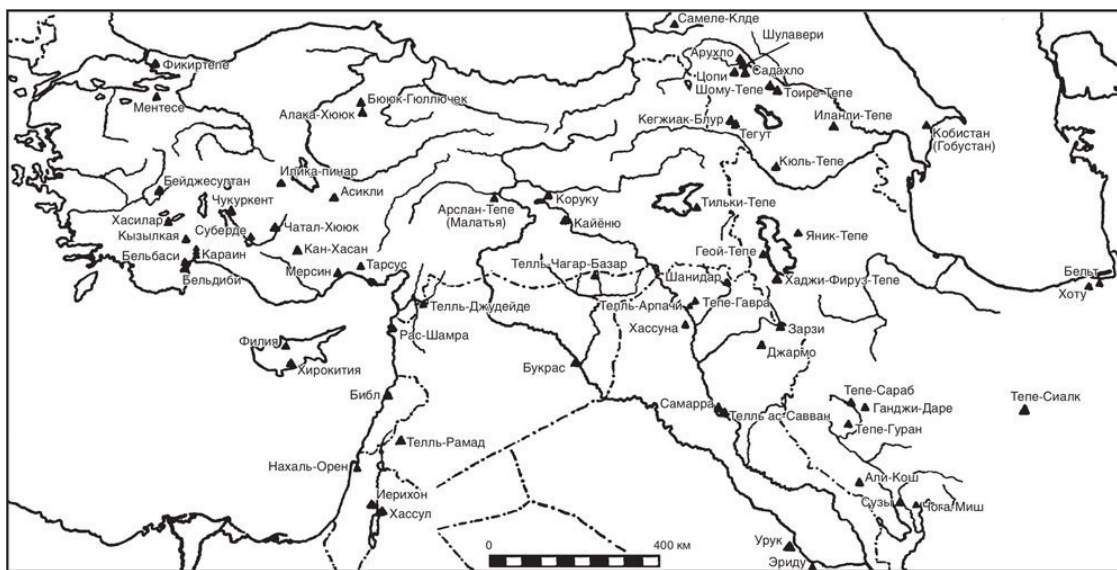
Знание культур периода верхнего палеолита и тех, что последовали за ними на Ближнем Востоке, основано на неполных свидетельствах из самых разных, удаленных друг от друга территорий. В горах, расположенных от Анатолийского плато до Кавказа, и в Иране еще предстоит провести масштабные исследовательские работы. Пещеры Анталии, что на Средиземноморском побережье Турции, были изучены турецкими археологами, которые провели раскопки и обнаружили наскальные рисунки, видимые над поверхностью земли. Там обнаружили изображения, относящиеся к большому промежутку времени – от нижнего палеолита до неолита.

²⁸ Общие сведения о радиоуглеродной датировке см.: E.H. Willis, “Radiocarbon Dating”, *Science in Archaeology* (1969 edition). P. 46–57. О ее применении см.: E. Neustupny, “A New Epoch in Radio-Carbon Dating”, *Antiquity* XLIV. 1970. P. 38–45.

²⁹ Брэйдвуд отдает предпочтение более ранней дате, касающейся Джармо (6750, а не 4750 г. до н. э.). Это в целом совпадает с археологическими свидетельствами абсолютной хронологии этой и находящихся неподалеку стоянок древнего человека, хотя дата 6250 г. до н. э. представляется более приемлемой. О радиоуглеродной датировке в Джармо, Джерихо, Чатал-Хююке и т. д. см.: *Chronologies*. P. 84–88, 124, 248.

³⁰ (a) D.R. Hughes, D.R. Brothwell; “The Earliest Populations of Man in Europe, Western Asia and Northern Africa”, *CAH I*, fasc. 50; (b) D.A.E. Garrod, D. Bates, *The Stone Age of Mount Carmel I*, Oxford, 1937; (c) T.D. McCown, A. Keith, *The Stone Age of Mount Carmel II*, Oxford, 1939.

Основные места раскопок – Бельдиби и Караин³¹. Отсутствие обсидиана в материальной культуре Бельбаша в районе Анталии предполагает почти полное отсутствие контактов с Анатолийским плато во времена мезолита – в 10000–9000 гг. до н. э. Стоянки древних людей в Анталии, вероятно, всегда были сравнительно изолированными. Поиск параллелей с рисунками в Бельдиби приводит к наскальной живописи на дальнем юго-востоке Турции, в районе Сиирта, или даже дальше – в Кобистан (Гобустан), что в 40 милях (64 км) южнее Баку, на каспийском берегу. Там самые ранние рисунки были определены как мезолитические. В отложениях у одной из скал с рисунками нашли изделия из кремня. Также присутствуют свидетельства изменения искусства резьбы по камню по высоте отдельных рисунков.

Карта 1. Важные места поселений ранних периодов до конца 4-го тыс. до н. э. (Политические границы на момент выхода книги показаны пунктирной линией)

Даже палеолитический человек при необходимости мог преодолевать большие расстояния – например, когда ему требовалось определенное сырье, такое как обсидиан. Этот камень, обычно называемый «вулканическое стекло», очень часто находят на ранних стоянках Ближнего Востока. С помощью спектрального анализа вкраплений или следов элементов можно установить регион его происхождения, что дает свидетельства существования торговли и культурных контактов в эпоху неолита и до нее. Один из главных источников обсидиана – Немрут-Даг – потухший вулкан на западном конце озера Ван. Но определенно в Восточной Анатолии есть еще много необнаруженных месторождений обсидиана. Правда, те, что находятся в одном регионе, как правило, имеют одинаковые характеристики. Обсидиановые предметы среднего палеолита найдены в провинциях Хаккари, Ван и Карс, что на востоке Турции. Самые ранние пластовые появления обсидиана на Ближнем Востоке – слой С пещеры Шанидар. Их возраст, согласно радиоуглеродной датировке, – около 30 тысяч лет. Обсидиан также встречается в пещере Зарзи, что в 80 милях (130 км) южнее, в горах Загроса³². Даже когда металлообработка достигла весьма «продвинутой» стадии – на стоянках культуры Халаф в 5-м тыс. до н. э., между районом Вана и Верхней Месопотамией процветала торговля обсидианом.

³¹ (a) E. Bostanci, “A New Palaeolithic Site at Beldibi”, *Anatolia* VI 1961/1962. P. 129–178; (b) Краткое сообщение о раскопках сезона 1966–1967 гг. в Бельдиби см.: Bostanci, *Türk Arkeoloji Dergisi* 16, I. 1967. P. 51–54; (c) I. K. Kökten, “Die Stellung von Karain innerhalb der türkischen Vorgeschichte”, *Anatolia* VI. 1963. P. 59–69.

³² (a) R.S. Solecki, “Prehistory in Shanidar Valley, North Iraq”, *Science* 18, 1963. P. 179; (b) D.A.E. Garrod, J.G.D. Clark: “Primitive Man In Egypt, Western Asia and Europe”, *CAH* I, fasc. 30. 1965. P. 19–22.

На Кавказе климатические условия были особенно суровыми в эпоху верхнего палеолита, но это не самый ранний период, представленный артефактами. Каменные топоры ашельской культуры и некие пластины были найдены на побережье Черного моря и на внутренних территориях – в грузинских районах Имерети и Картли. Утверждают, что пластины относятся к мустьерской культуре (средний палеолит). Верхний палеолит представлен ножами, скребками, бурами и пластинами из кремня, реже – из обсидиана. В пещере Сакажия, недалеко от Кутаиси, обнаружили кости бизона пещерных медведя и льва, что указывает на холодный климат, сообразно последнему ледниковому периоду³³. В Мингрельском районе Грузии нижний слой стоянки в Одиши содержал кремневые и обсидиановые микропластинки конца верхнего палеолита. В Армении, особенно вокруг горы Артин и вдоль реки Раздан, шли артефакты, относящиеся к культурам нижнего, среднего и верхнего палеолита, сравнимые с их эквивалентами в Западной Европе³⁴.

Палеолитические охотники жили не в темных сырых глубинах своих пещер, а на площадках у входа или перед ним (на открытых стоянках – сезонно). В России, где мало естественных пещер, широко распространились укрытия, которые рыли в лёссе, выветренном грунте, отложившемся в сухих условиях оледенения³⁵. Аналогичные открытые стоянки в Анатолии и других местах Ближнего Востока, безусловно, найдут, хотя это будет и непросто. Маловероятно, что стоянок, подобных современным жилищам в пещерах и каменным укрытиям, не существует.

Свидетельства перехода от обитания преимущественно в пещерах и под скальными укрытиями к жизни на открытых площадках следует искать за пределами Анатолии и Кавказа. Этот переход стал заметной чертой неолитической революции, хотя являлся следствием, а не причиной. Раскопки в Загросе показали, что эта стадия датируется примерно 10000–9000 гг. до н. э. К сожалению, большинство стоянок древнего человека в Загросе не дают последовательную картину. Они демонстрируют ряд изолированных, частично совпадающих по времени, но разрозненных культур, принадлежавших к векам, которые предшествовали неолитической революции³⁶. Сравнительно важной для перехода от собирательства еды к ее производству является натуфийская культура Палестины, от ранней стадии которой произошел докерамический неолит А – Иерихон³⁷.

Для развития культивации злаков и других растений, пригодных в пищу, а также для одомашнивания некоторых животных потребовалось, возможно, несколько веков. Ясно, что процесс не был одномоментным. Более того, многие черты образа жизни периода верхнего палеолита продолжали существовать на Анатолийском плато и других территориях Ближнего Востока. Сначала мы поговорим об Анатолии, а потом перейдем к нагорьям Восточной Турции и Кавказу.

В восточной части Турции, Закавказье и на северо-западе Ирана сохранилось слишком мало артефактов соответствующего периода, дающих адекватные свидетельства для понимания достижений неолитического человека. Наиболее интересный древний памятник, хотя и не вполне уместный из-за своего расположения на Анатолийском плато, – это Чатал-Хююк. Изучение его обитателей – охотников, фермеров, строителей, художников, ремесленников и изобретателей может помочь в понимании современных поселений и в других местах. Чатал-

³³ A. Mongait, *Archaeology in the USSR* Moscow, 1955. В Грузинском государственном музее в Тбилиси экспонируются артефакты нижнего, среднего и верхнего палеолита, а также соответствующие кости животных.

³⁴ S.A. Sardarian, *Primitive Society in Armenia*, Erevan, 1967. P. 317–325.

³⁵ (a) *Archaeology in the USSR*. P. 74–87. Здесь изложено краткое описание культур верхнего палеолита; (b) О палеолите в целом в СССР см.: J.M. Coles, E.S. Higgs: *The Archaeology of Early Man*, London, 1969. P. 325–356.

³⁶ J. Mellaart, “The Earliest Settlements in Western Asia”, *САН I*, fasc. 59. 1967. P. 9–12.

³⁷ D.A.E. Garrod, “The Natufian Culture: the Life and Economy of a Mesolithic People in the Near East”, *Proceedings of the British Academy*, 43. 1957. P. 211.

Хююк – не самое раннее поселение на этом плато. Стоянка Суберде, что у озера Сугла, в 60 милях (97 км) к западу-юго-западу от Чатал-Хююка, и нераскопанная стоянка Асикли-Хююк у Соленого озера, скорее всего, немного старше. То же можно сказать о докерамической стоянке Хасилар, что возле озера Бурдур. Это самая западная точка, где жили оседлые сообщества не позднее 7000 г. до н. э. Кстати, тот же археолог, что вел раскопки в Суберде, раскопал неолитический курган Эрбаба, что в 10 км к северу и северо-западу от Бейшехира. Тем не менее уникальность Чатал-Хююка не подлежит сомнению. Археолог Джеймс Меллаарт написал об этом поселении книгу, где дал его общее описание, акцентируя внимание читателей на развитии искусства. Однако длинный и очень подробный отчет ученого включил многие детали, не вошедшие в эту книгу, но представленные в его последующих, очень интересных публикациях.

Охота не была пережитком прошлого в Чатал-Хююке, на что указывают многочисленные обсидиановые наконечники копий самого узнаваемого типа из всех известных каменных орудий. Там же много наконечников стрел, причем двух размеров. Скорее всего, они использовались с длинными и короткими луками. Очень большие скребки подтверждают умение обитателей этого поселения свежевать животных и очищать шкуры. Каково бы ни было значение многих настенных рисунков, являющихся особо привлекающим внимание элементом достижений этого общества, на некоторых из них, безусловно, изображены сцены охоты, а также ритуалы и магические обряды, тесно связанные между собой в религии этого народа. Таким может быть объяснение изображения гигантского красного быка (покрывает северную стену одного святилища в слое III), которого окружали маленькие человечки, причем ни один из них на животное не нападал. Странные сцены кормления на стенах слоя V, где видны люди, тянущие животных за языки, возможно, тоже следует рассматривать в подобном контексте. Изображение леопарда, на которого часто охотились, и находящейся рядом женской фигуры – один из археологов впоследствии назвал ее владычицей животных, основываясь на более поздних аналогиях, – на самом деле может символизировать подчинение диких животных наступлению новых сил – земледелия и скотоводства.

Город, расположенный у реки Чаршамба, протяженностью 32 акра (0,13 км²), никогда не был бы обнаружен, если бы речь шла только об охоте. Палеоботанические свидетельства зачастую объясняют значительно большие, чем те, что касаются охоты и одомашнивания животных. Ко времени Чатал-Хююка (слой VI) его обитатели выращивали не менее 14 видов съедобных растений³⁸, некоторые из которых использовались для приготовления масла. Фрукты и орехи, вероятно, доставлялись от подножия Тавра. Отсутствие прямых доказательств копания и рыхления почвы с помощью мотыг, тяпок и т. д. не является важным, потому что такие приспособления люди могли изготавливать из дерева. Многочисленные жернова, точильные камни, пестики и ступки – типичные знаки существования сельского хозяйства. В целом свидетельства указывают на то, что им в Чатал-Хююке занимались женщины, а мужчины – охотой, хотя им могли доверить и домашних животных. Отсутствие рисунков на тему сельской жизни компенсируется «засильем» женщин в произведениях искусства – на картинах и в фигурках.

Город Чатал-Хююк демонстрирует определенное единообразие не только в планировке строений, но и в используемых при этом материалах и методах строительства. Хотя, конечно, о городской планировке речь в то время не шла. Не централизованная власть, а традиции и сила привычки, вероятно, были главными факторами, определившими архитектурную однородность. Мы даже можем представить, каким видел свой город древний художник, изучив, например, изображение, где на фоне извергающегося вулкана показаны или единичные элементы – кварталы, составляющие город, или отдельные здания, составляющие такой квартал.

³⁸ J. Mellaart, *Çatal Hüyük*, London, 1967. P. 224.

Вероятно, тогда перед людьми остро стояла проблема строительства и ремонта прилегающих зданий, в силу необходимости расположенных уступами на склонах холма. В этой связи бросается в глаза отсутствие дверных проемов на уровне земли, ведущих в отдельные жилые помещения и к местам поклонения, которые имели много общего. Доступ туда был через крышу вниз с помощью приставной деревянной лестницы. Подобный способ входа в помещение имеет современные параллели в самых разных частях света, где это удобно исходя из требований безопасности и существуют благоприятные климатические условия. Архитектура Чатал-Хююка не оставалась статичной, а отражала растущую уверенность в использовании сырцовых кирпичей и постепенный отказ от материалов из дерева. До слоя V здания были деревянными и каркас лишь немного наполнялся сырцовыми кирпичами. А слой II демонстрирует, что от деревянного каркаса вообще отказались и вертикальные стойки заменили кирпичными столбами. В ходе декоративных и конструкционных инноваций, а также ремонтных работ на плоскую стену или рельеф стали наносить несколько слоев краски. Схема украшений могла меняться или нет. В слое VII в Чатал-Хююке археологи насчитали 120 слоев штукатурки, сделанной из белой глины для украшения стен, а также полов и потолков. В слое VI было уже 100 слоев. Число последних на зданиях одного уровня, как правило, было примерно одинаковым. Все эти свидетельства подтверждает ошибочность предположения, что сооружения из сырцового кирпича, даже при наличии надлежащего ухода, не могут простоять больше нескольких лет. Можно предположить, что в Чатал-Хююке стены покрывали штукатуркой каждый год.

В качестве красок древние художники использовали минералы, в том числе оксиды железа, медные руды, окись ртути, марганец, сульфид свинца. Доминирующими тонами являлись разные оттенки красного. Их получали из железной руды, киновари и, возможно, гематита. Создание поверхностных рельефов из штукатурки (гипса) не представляло собой серьезных технических проблем, хотя приходилось использовать разные технические приемы. Кости и рога животных применяли для более прочного закрепления изображений на стене. Работа по созданию настенных росписей, рельефных изображений из штукатурки и раскрашенных и нераскрашенных каменных скульптур и моделей из глины давала возможность доисторическим творческим людям проявить свои таланты. Хотя окрашенный черный бык был изображен уже в слое IX, рельефные украшения – особая «фишка» ранних святилищ, где только рельефы – картин нет. Возможно, рельефы можно связать с глиняными статуэтками: и то и другое – результат лепки, придания мягкому материалу нужной формы. После слоя V рельефы исчезают – они больше не считались модными в Чатал-Хююке. Примерно в это же время глина вытеснила камень, став самым популярным материалом для изготовления статуэток. Резьба по камню первоначально была обычным методом создания фигурок, возможно культовых статуэток, перешедших из более ранних святилищ, которые ремонтировались или перестраивались. Подобные артефакты, как правило являющие собой резкий контраст с довольно грубыми фигурами людей и животных из глины, часто находили в ямах за пределами святилищ. Свидетельство постоянства культа усиливается отчетливыми следами износа и ремонта на некоторых каменных статуэтках. В конце истории Чатал-Хююка, в слое II, в одном святилище ученые нашли девять статуэток, из них восемь – из глины. Они в некоторых аспектах сравнимы с более поздними фигурками из Хасилара (слой IV) – факт, предполагающий, что к этому времени (ок. 5600 г. до н. э.) художественные традиции Чатал-Хююка, по крайней мере в скульптуре, распространились на обширной территории Анатолийского плато³⁹. Это произошло потому, что статуэтки можно было легко переносить и перевозить. Настенная живопись и лепнина вряд ли имела много зрителей из числа посторонних, которых вполне могли не допускать в святилище.

³⁹ J. Mellaart, "Excavations at Hacilar: Fourth Preliminary Report", AS XI. 1961. P. 37–61.

Многие достижения художников Чатал-Хююка получили высокую оценку, благодаря великолепной технике и высокому стандарту мастерства в работе с некоторыми материалами. Художники работали с деревом, костью, тканями и даже металлом. Глину использовали для производства керамики, хотя и в ограниченных масштабах, причем без какого-либо разнообразия форм. Сосуды для приготовления пищи, еды, питья и хранения продуктов в более поздний период были по большей части керамическими. Но популярными оказывались и другие материалы – дерево и гибкие прутья (из них изготавливались плетеные изделия). Хотя производство керамики в Анатолии могло зародиться в районе Коньи, ее количество в Чатал-Хююке настолько мало, что невозможно сделать однозначный вывод. Керамические изделия раскапывали до слоя XII. Формы примитивные, самая распространенная – кувшин с большим горлышком, но качество таково, что невозможно приписать эту работу ранним гончарам. Чатал-Хююк можно сравнить с поселениями в других местах Ближнего Востока, таких как Иерихон, который долго процветал, не испытывая необходимости в керамике⁴⁰. Отметим, что ее зарождение лучше, чем любое другое раскопанное поселение Ближнего Востока, иллюстрирует Ганджи-Даре.

Дерево в Чатал-Хююке использовалось для многих целей, в том числе как материал для изготовления сосудов, доказательством чего является удивительная серия сосудов и емкостей из слоев VI B и VI A и среди них – блюда длиной около 50 см, возможно для мяса, пашотницы, круглые чаши и блюда, овальные чаши с рукоятками. Огонь – союзник археолога: эти сосуды, сделанные без гвоздей и клея, сохранились на полах домов и в захоронениях благодаря карбонизации. Другая мягкая древесина обрабатывалась обсидиановыми скребками и другими инструментами, которые тоже производились в Чатал-Хююке. На завершающем этапе изготовления сосудов, вероятно, использовались наждак и песок – для обработки поверхности. Современная параллель – кувшин с рукоятками, который называют в Турции *cam bardak* («сосновое стекло»). Это глубокий сосуд с узким горлышком, вырезанный из куска ствола дерева. Чтобы такие сосуды оставались водонепроницаемыми и не раскалывались, они постоянно должны быть наполнены жидкостью. Более твердая древесина (дуб и можжевельник) использовалась в строительстве. Ее обрабатывали нефритовыми топорами, стругами и стамесками. Это мастерство не было превзойдено в Анатолии, во всяком случае насколько можно судить по археологическим находкам, до VIII в. до н. э., когда фригийцы изготавливали изящно украшенную мебель, фрагменты которой были найдены в районе Гордиона⁴¹.

Обкалывание (вырубание), шлифовка, полировка и сверление – эти техники использовались ремесленниками Чатал-Хююка при изготовлении инструментов, оружия, сосудов, статуэток и украшений из камня. Обрабатывались разные виды камня, за исключением разве что твердых вулканических пород, таких как гранит. Обсидиановые зеркала, найденные в захоронениях, вставлялись в известняковый раствор и полировались с применением неизвестной техники. Перфорация крупных предметов, таких как булава, не представляла трудности, чего нельзя сказать о сверлении каменных бусин, в том числе обсидиановых, в которых обнаружены отверстия слишком тонкие даже для современной стальной иглы. Как это делалось – непонятно. Использование медных буров является маловероятным.

Обнаружение меди и свинца в Чатал-Хююке выше слоя IX представляется в высшей степени важным для истории технологий, тем более после того, как исследование медной глыбы из слоя VI показало, что это медный шлак. Умение выплавлять руды для удаления природных примесей подразумевает появление металлообработки уже в 7-м тыс. до н. э. Этот факт нельзя считать бесспорным без дополнительных свидетельств. Свинец в Чатал-Хююке, однако, предполагает применение плавки в слое IX, потому что в Анатолии он встречается только в виде

⁴⁰ (a) J. Mellaart, *Çatal Hüyük*, London, 1967. P. 216–217; (b) Mellaart: AS XIV. 1964. P. 81–84.

⁴¹ R.S. Young, AJA 62. 1958. P. 139–154.

галенита, который не используется в природном состоянии. Отсутствие металлических орудий в Чатал-Хююке может быть случайным, так как в Суберде обнаружили медное шило длиной 4 см⁴².

Такие материалы, как кость, используемая для изготовления разных предметов, и камыши, которые скручивали и связывали для плетения корзин, не представляли технических трудностей. Обработка кости велась почти повсеместно на Ближнем Востоке в эпоху неолита. А корзины использовали повсеместно до момента широкого распространения керамики. Во многих строениях находили матрасы и свитые коврики. Крючки, застежки, лопатки и миниатюрные сосуды изготавливали из кости.

Плетение тростниковых подстилок и корзин – простые процессы в сравнении с изготовлением тканей, наличие которых в Чатал-Хююке подтверждают многочисленные свидетельства, прямые и косвенные. Благодаря тому же удачному стечению обстоятельств – воздействию огня – сохранились многие сосуды и некоторые ткани, дошедшие до нас в карбонизированном состоянии. Отдельные фрагменты оказались сделанными из удивительно качественной крученой пряжи двух сложений. Это самые древние известные ткани, которые по крайней мере на тысячелетие старше, чем льняное полотно из фаюмских деревень Египта⁴³. Свидетельства указывают на шерстяную, а не на льняную пряжу в Чатал-Хююке, где шерсти было много, а семена льна при раскопках так и не обнаружены. Что же касается косвенных свидетельств, то исчезновение настенной росписи вполне можно объяснить изменением моды и появлением настенных тканевых украшений. Вероятно, это произошло в конце периода существования Чатал-Хююка. Представляется вероятным, что настенная роспись предшествовала текстильным настенным украшениям и дала толчок их развитию, а не наоборот. Но к началу халколитического периода в Хасиларе раскрашенная керамика, столь характерная для этого поселения, определенно была именно имитацией текстильных орнаментов. Некоторые рисунки из Чатал-Хююка, однако, указывают на прямое подражание текстильным изделиям. Иногда изображали даже строчку вдоль краев. Предположение, что найденные здесь печати могли использоваться для нанесения рисунков на ткань, привлекательно, но маловероятно.

Жизнь и смерть, рождение и погребение, судя по всему, являлись доминирующими темами в религии этого замечательного неолитического сообщества, о теологических верованиях которого можно выдвигать множество гипотез, к сожалению бездоказательных. Период с 7-го тыс. до н. э. до классических времен слишком велик, чтобы можно было смело проводить прямые сравнения. Хотя существование связей между религией Анатолии в бронзовом веке и в эллинистический и римский периоды бесспорно. Преемственность народонаселения эпохи раннего неолита – начала бронзового века невозможно доказать на основании существующих свидетельств. Таинственный вид многих помещений с самого начала натолкнул Меллаарта на мысль, что это святилища, а не жилые помещения. Это подтверждается наличием настенной живописи, рельефов, рогов, вделанных в специальные скамейки, бычьих голов, культовых статуэток, человеческих черепов на платформах, обсидиановых зеркал, костяных застежек и, разумеется, охровых захоронений. Последние являлись давней традицией, уходящей корнями еще в палеолитические времена. Эти захоронения стали частью курганной культуры русских степей в 3-м тыс. до н. э. и были найдены в Марлике. В этих помещениях не приносили в жертву животных, что вряд ли удивительно, потому что туда был доступ с крыши только по лестнице.

Остается тайной, что именно происходило в святилищах, к примеру, принадлежали ли все молящиеся только к жреческой касте, или туда допускались и обычные жители? Раскопки показали, что святилища, однажды построенные, тщательно сохранялись и украшались. Изоб-

⁴² (a) S. Mellaart, *Çatal Hüyük*. London, 1967. P. 217–218; (b) Mellaart: AS XIV, 1964. P. 111, 114; (c) T.A. Wertime: “Man’s First Encounters with Metallurgy”, *Science* 146, no. 3649. 1964. P. 1257–1267, etc.

⁴³ (a) S. Mellaart, *Çatal Hüyük*. London, 1967. P. 219–220; (b) H. Helbaek “Textiles from Çatal Hüyük”, *Archaeology* 16, 1963. P. 39–46, H.B. Burnham “Çatal Hüyük – the Textiles and Twined Fabrics” AS XV. 1965. P. 169–174, etc.

ражения рук – постоянная черта настенных росписей – встречаются в разных формах. Обычно это руки взрослых (бывают и детские), причем правая рука встречается чаще, чем левая. До сих пор такие изображения являются широко распространенными амулетами от сглаза. Окрашенные же красной краской руки иногда видны на дверях домов в деревне Кючуккёй, что вблизи Чатал-Хююка. Это удивительное совпадение. Копирование ранних неолитических рисунков было исключено существованием современных параллелей еще до начала раскопок в 1961 г. Внутри святилищ руки, смоченные в краске, прикладывались к священным рельефным изображениям голов животных или богинь, предположительно чтобы получить от них силу. Там, где изображено множество рук вместе, видимо, передается идея «вся группа людей». Иногда это показано в виде узора из сети, символизирующего охотничью сеть или ловушку – своеобразный символ общего сбора. В священных стенах, вероятно, имело место много рождений; не исключено, что сюда же приносили умирающих. После каждой новой серии захоронений, как предположил Меллаарт, возможно ограниченных определенными сезонами, платформы приходилось перестраивать. Весна и осень – время ремонта домов в Анатолии сегодня. В Чатал-Хююке в те далекие дни, когда жили недолго, а умирали рано, жизнь в мире иным и подготовка к ней занимала умы людей так же сильно, как в других сообществах доисторического Ближнего Востока.

К погребениям проявлялось повышенное внимание. Так, в одном из них из черепной коробки был удален мозг и вместо него помещены ткани. Большинство найденных скелетов лежат в согнутом положении на левом боку. Индивидуальные захоронения редки, и, судя по всему, у последующих поколений была общая могила под платформой святилища или дома. В результате оказались нарушенными более ранние захоронения. Рисунки, проливающие свет на события, имевшие место в промежутке между смертью и захоронением, дают дополнительную информацию о погребальных обрядах. Картины в одном из святилищ, изображающие хищных птиц, налетающих на безголовые трупы, могут иметь только одно объяснение: так кости очищались от плоти. Причем это были именно птицы, а не жрецы или другие люди в соответствующих костюмах⁴⁴. Предположение, что в раскопанном «квартале» обитала жрецкая каста, подтверждается захоронениями в святилищах более богатыми, чем те, что производили в обычных домах. Красная охра использовалась для окраски либо только черепа или всего скелета, хотя подобных видов было лишь несколько из почти 500 раскопанных захоронений. Окраску охрой связывают и с периодом верхнего палеолита, и с временем более поздних культур Ближнего Востока. Так, был найден череп, окрашенный красной охрой, и две большие, разделенные на части раковины каури (встречаются в Красном море), выступающие из глазниц. Таким образом подтверждается существование в регионе торговли, осуществлявшейся на дальние расстояния, и прослеживается параллель с докерамическим неолитом в Иерихоне с его знаменитыми «искусственными» черепами. Аналогичные красные черепа с глазами из раковин каури были найдены в слое II Телль-Рамада, что в Южной Сирии⁴⁵. Наличие торговли также иллюстрируют бусы, сделанные из раковин лопатоногого моллюска *dentalium*, который встречается только в Средиземном море. Иными словами, многие материалы и предметы везли издалека. В женских захоронениях встречаются разного рода украшения и косметика, в том числе обсидиановые зеркала, в мужских – охотничье оружие и ремни с костяными застежками.

Люди Чатал-Хююка жили и умирали в обстановке, ничего общего не имевшей с рутинной деятельностью повседневной жизни. Их религию символизировали странные предметы – фигурки быка и барана, танцующего охотника и символа материнства. Не следует обходить вниманием необъяснимый характер некоторых рисунков, рельефов и фигурок, так же

⁴⁴ S. Mellaart, *Çatal Hüyük*. London, 1967. P. 166–167.

⁴⁵ H. de Contenson, W.J. van Liere: “Sondages à Tell-Ramad en 1963”, *Annales Archéologiques de Syrie*, XIV, 1964. P. 109ff.

как и подгонять их под существующие теории, пусть даже очень привлекательные. Подобные произведения искусства ставят больше вопросов, чем дают ответов, и это естественно.

Видеть сквозь мутное стекло определенно лучше, чем ничего не видеть, – это понимают все исследователи преемственности, смены и взаимного проникновения материальных культур Анатолийского плато, находившихся за пределами Чатал-Хююка. Только два раскопанных холма – Хасилар и Чан-Хасан проливают яркий свет на деревенскую экономику Анатолии, и то в основном в периоды после Чатал-Хююка. Художественные и технические достижения, сравнимые с достигнутыми в городе в долине Коньи, вполне могли существовать и в местах доселе неизвестных, но это не значит, что их не было вообще.

Обработка обсидиана – решающий фактор при выборе Чатал-Хююка для масштабных раскопок – дает явную связь между этим местом и меньшим, менее продвинутым, но дольше известным поселением Мерсин, расположенным в Киликии. Здесь радиоуглеродное исследование образцов, взятых у основания кургана, дало дату – 6000 г. до н. э.: с поправкой на период полураспада в 5730 лет любое расхождение сведено к минимуму⁴⁶. Мерсин располагается в границах Сирийско-Киликийской культурной зоны, обеспечивая связь между культурами Леванта, долины Коньи и более удаленных регионов Анатолийского плато⁴⁷. Распространение темной лощеной керамики, характерное для этой зоны, очень широко – до Мосула, что в долине Тигра, где в Телль-Хассуне в слое Ia было раскопано три последовательных слоя древней стоянки. Это занятие носило временный характер и отличалось от следующих уровней отсутствием разрисованной керамики⁴⁸. Таким образом, очевидна легкость перемещения по лугопастбищным угодьям Плодородного Полумесяца. Это явление повторялось и в более поздние периоды. Значит, теоретически мог существовать контакт между Анатолийским плато, горами Загрос и районом Урмии на востоке, через Киликийскую долину, север Сирии и Верхнюю Месопотамию. Такой контакт не выявлен через горы Восточной Турции, хотя для надежных выводов нет достаточной информации. Хассуна Ia в любом случае относится к 6-му тыс. до н. э. Что касается более ранних связей, важными могут оказаться стоянки Букрас, что находится на Евфрате у слияния с Хабуром (три слоя, датированные 6290 и 6190 г. до н. э., – Букрас I и 5990 г. – Букрас III), и Чайоню – неподалеку от Диярбакыра⁴⁹.

Ранние неолитические стоянки в долине Коньи и восточнее – до региона Кайсери также стали источниками ценных находок, что сделало их сравнимыми с Чатал-Хююком, хотя в Асикли-Хююке выявлены местные особенности. К западу от долины Коньи самыми важными поселениями раннего неолита, то есть 7-го – начала 6-го тыс. до н. э., являются Чукуркент и Алан-Хююк (рядом с Чукуркентом находится стоянка Аласа-Худжук, или Хююк, а про Алан-Хююк нигде ничего не сказано. – *Пер.*), что на озере Бейшехир, и Кызылкая – курган, расположенный к северу от Анталии, на пути через Тарс к Бурдур⁵⁰.

Поздний неолит в Анатолии, судя по всему, был сравнительно коротким. В Хасиларе он завершился около 5600 г. до н. э. Свидетельства этого периода основаны на стратифицированном материале из Мерсина XXVI–XXV и Хасилара IX–VI. Сам термин «поздний неолит» является всего лишь удобным ярлыком для обозначения стадии, когда имело место усовер-

⁴⁶ (a) J. Garsstang: *Prehistoric Mersin*, Oxford, 1953. P. 11–43; (b) *Chronologies*. P. 87. Сейчас обычно принимают более высокий период полураспада (5730 ± 40 вместо 5570 ± 30).

⁴⁷ (a) R. Braidwood, Linda Braidwood; *Excavations in the Plain of Antioch I*, OIP LXI, Chicago, 1960; (b) R.J. Braidwood, “The Earliest Village Materials of Syro-Cilicia”, PPS XXI, 1955. P. 72–76.

⁴⁸ S. Lloyd, F. Safar: “Tell Hassuna: Excavations by the Iraq Government Directorate General of Antiquities in 1943 and 1944”, JNES IV, 1945. P. 255–289.

⁴⁹ H. de Contenson, “Découvertes Récentes dans le Domaine du Néolithique en Syrie – Bouqras”, *Syria* XLIII, 1966. P. 152, etc.

⁵⁰ J. Mellaart, “Early Cultures of the South Anatolian Plateau I”, AS XI, 1961, etc.

шенствование двух успехов предыдущего этапа – изготовления керамики и глиняных фигурок, причем почти исключительно в Хасиларе.

Население последнего меньше зависело от охоты, чем их предшественники на востоке – жители Чатал-Хююка. В обычной деревне Хасиларе тем не менее были продемонстрированы важные архитектурные успехи в проектировании и сооружении домов уже в слое VI. Здесь явно велось широкое строительство. Вход в жилище с крыши заменили большие дверные проемы, выходящие во двор. Толщина стен в Хасиларе, а также обнаруженные в одном из зданий остатки лестницы с балюстрадой означают наличие в домах верхних этажей. В том же районе Бурдур сегодня двухэтажные здания имеют покрытые крышами выходящие на юг и расположенные тут же маленькие комнаты. Верхние помещения едва ли использовались зимой. Поселение Хасилар VI, более крупное, чем Хасилар II в раннем халколитическом периоде и, возможно, укрепленное, может считаться самой процветающей стадией в истории этого места обитания.

Хасилар VI известен своими глиняными статуэтками. В трех расположенных по соседству домах обнаружена удивительная коллекция из 35 неплохо сохранившихся фигурок. Всего же их было найдено намного больше. Выполненные вокруг нуклеуса, они имели хорошо обработанные и отполированные поверхности. Головы изготовляли отдельно, снабжали колышком, чтобы вставить в отверстия, сделанные в туловищах. Глаза и волосы вырезали, но рты никогда не изображали. Тот факт, что некоторые статуэтки оставались необожженными, указывает на то, что это была работа местных художников. Как утверждают археологи, богиню изображали стоящей, сидящей, преклоняющей колени, присевшей на корточки, полулежащей и сидящей на троне. Теория ученых о двух представленных среди статуэток этнических группах поддерживается предварительными выводами о физической антропологии обитателей Хасилара, среди которых выделены две долихоцефальные расы – средиземноморская, широко распространенная в ранних поселениях Ближнего Востока, и евроафриканская. Брахицефалический элемент, представленный в Чатал-Хююке, в Хасиларе отсутствует. Вероятно, эти проникшие в долину Коньи пришельцы предшествующего периода даже к концу неолитического периода не продвинулись далеко на запад. Однако существующая между статуэтками разница может означать, что они символизировали не отдельные расы, а различие возраста и социального положения. Статуэтка владычицы животных из Хасилара, представлявшая собой богиню, сидящую верхом на леопарде с его детенышем в руках, явно свидетельствует о более совершенной технике исполнения, чем в Чатал-Хююке. Еще более важным является факт, что фигурки демонстрируют преемственность религиозных верований – от ранних крупных поселений до поздних деревень, расположенных в 150 милях (230–250 км) к западу. В Анатолии после Чатал-Хююка больше не было сообществ, способных поддерживать профессиональных художников и ремесленников.

Мерсин XXVI–XXV не представляет особого интереса, разве что является связующим звеном в длинной череде слоев, собственно и придавшей важность этому поселению. Obsidianовое производство слоев нижнего неолита постепенно пришло в упадок, уступив место производству молотого камня. Это означало, что теперь основой хозяйства стало не собирательство, а производство продуктов питания.

Общий знаменатель всех культур, приписываемых раннему халколитическому периоду в разных частях Ближнего Востока, – появление и развитие окрашенной керамики. В Хасиларе это показано как местное достижение, постепенно совершенствующееся. В Мерсине орнамент усложнился благодаря влиянию сирийскому, а дальше на восток – мастеров из долины Коньи, района, не отличавшегося культурной оригинальностью, но бывшего «местом встречи» разных элементов керамики, проникавших из пределов Киликии. Современные свидетельства ясно указывают на существование основанной на деревенской экономике ранней халколитической

культуры, где были представлены сопоставимые стили раскрашенной керамики. Эта культура, названная Хассуанская, преобладала на территории, раскинувшейся от Верхней Месопотамии на запад через Евфрат к долине Амука (фаза В) и в Мерсин, с «ответвлениями» на юг – в Сирию и Палестину. В Телль-Хассуне примитивные временные стоянки слоя Ia были накрыты последовательностью слоев (Ib – VI) деревни с прямоугольными домами, украшенной керамикой.

Что касается долины Коньи, существует пробел в известных археологических данных периода, последовавшего за оставлением Чатал-Хююка Восточного, раннего неолитического города. Неисследованные более глубокие слои примыкающего кургана Чатал-Хююка Западного со временем его заполняют. Первые раскопки выявили два последовательных стиля раскрашенной керамики, получившие названия «Ранний халколитический I» («Чатал-Хююк Западный») и «Ранний халколитический II» («Кан-Хасан 2b») соответственно⁵¹. Эти две стадии соответствуют Мерсин XXIV–XXII и XXI–XX. Однако в Чатал-Хююке Западном отмечается общая культурная целостность, за исключением изменений, происходивших в производстве керамики.

В 50 милях (80,5 км) к юго-востоку, неподалеку от Карамана, располагается Кан-Хасан, где раскопки ведутся с 1961 г.⁵² Статуэтки и другие произведения искусства предполагают сохранение некоторых ремесел, существовавших в Чатал-Хююке, хотя и с некоторыми изменениями, касавшимися стиля работ. Слой 3 в Кан-Хасане с красно-коричневой керамикой может быть приравнен хронологически к Чатал-Хююку Западному и раннему Хасилару I. Изделия следующего периода, характерные для Кан-Хасана 2b, то есть керамика, окрашенная красным цветом на кремовом фоне, датируются радиоуглеродным анализом 5000 г. до н. э. Иными словами, они совпадают с более поздними фазами Хасилара I. Заметны архитектурные сходства с этим поселением. Также есть настенная роспись с чисто геометрическими орнаментами, напоминающими меандр, сравнимая с раскрашенной керамикой того же слоя. Гармонируют и репрезентативные темы настенных изображений Чатал-Хююка. Там была хорошо развита резьба по камню, а также металлообработка, о чем свидетельствуют булава и браслет из Кан-Хасана 2b.

Хасилар представляет отдельную и отличную раннюю халколитическую культурную область, не связанную прямо с долиной Коньи. Граница между этими двумя областями, возможно, проходит по анатолийскому озерному краю, но точно не установлена. Если говорить о последовательности в Коньи, Хасилар V–II может быть более или менее точно приравнен к ранней халколитической культуре I, а Хасилар I – к ранней халколитической культуре II. Вместе они охватывают 5600–5000 гг. до н. э. Деревня Хасилар имеет пеструю историю. Она несколько раз уничтожалась огнем и в конце концов была перестроена в Хасиларе I. Раскрашенная керамика – отличительная черта Хасилара, без которой он не привлек бы внимания археологов⁵³. Здесь керамика не имеет себе равных на всем древнем Ближнем Востоке по четкости рисунка и качеству обработки поверхности. Халафская культура, возможно, может считаться равной ей технически, но не эстетически. Широкие чаши Хасилара V–III сменились в Хасиларе II овальными чашами. Предпочтение овальным сосудам подпрямоугольной формы стало чертой керамики Хасилара на протяжении всего раннего халколитического периода. В Хасиларе V–IV узоры были в основном геометрическими, а в Хасиларе III–II – более четкими и изогнутыми. Керамику производили профессиональные гончары, что подтверждается находкой в центре деревни Хасилар IIa трех смежных строений, очевидно бывших гончарными мастерскими, содержавшими запасы всевозможных сосудов.

⁵¹ J. Mellaart, "Çatal Hüyük West", AS XV, 1965. P. 135–156.

⁵² D.H. French в течение многих лет публиковал свои отчеты о раскопках в Кан-Хасане.

⁵³ Полное описание раскрашенной керамики дано у Меллаарта в его великолепном заключительном отчете о хасиларских раскопках.

В Хасиларе I имело место изменение керамики. Сосуды стали больше, а украшения – менее затейливыми. Теперь керамику украшали в большинстве случаев прямыми линиями – вероятно, узоры позаимствовали от плетения корзин. Появление белой краски на темном фоне – инновация, указывающая на традицию, которой предстояла очень долгая жизнь в Восточной Анатолии, и появление в других местах, таких как Мерсин ХIIа. Среди людей Хасилара I, возможно, были пришельцы, но они, скорее всего, явились не издалека и успели смешаться с более ранними обитателями. Их сокрушила масштабная катастрофа – падение ранних халколитических культур, ярким представителем которых и был Хасилар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.